

Предисловие

к книге Джека Майера "Храброе сердце Ирены Сендлер"
(Москва, Издательство «Эксмо», 2014, ISBN 978-5-699-65020-0)

Свет из бездны

Израиль, 2013

XXI век разворачивает войну невиданного до сих пор размаха, миру грозит мрачный выбор: захлебнуться в потоках крови или стать жертвой природных катаклизмов. Явились приметами будущего взорванные нью-йоркские Близнецы, истребление российских детей в Беслане и на «Норд-Осте»... А уроки – позади. В самый раз оглянуться, тем более что недалеко, в век недавний, предыдущий, XX, пророчески страшный. В нем свирепейшее событие Вторая мировая война, а в ней эпицентром ненависти – беспричинное поголовное убийство миллионов евреев, названное в историческом обиходе Холокостом.

Вглядеться в эту Катастрофу евреев – обжечь душу. В страхе заслонялись от нее чувствительные сердца. А память – болит, с годами все меньше и меньше, однако ноет: ведь не где-то, не когда-то и не с кем-то случилось, а с собственными бабушками-дедушками. И не хочешь помнить, а вдруг стыдом обдаст, как ошпарит...

В 1950-х годах мир зализывал раны великой войны, оглядываться некогда было. В шестидесятых-семидесятых, после прорыва темы Катастрофы в литературу, в кино и на телеэкраны, многие содрогнулись и – постарались забыть невыносимое. Тем более что оно же и необъяснимое: как, скажите на милость, понять, что можно просто взять да и вымарать из жизни многомиллионный народ, весь целиком, не отвлекаясь от процесса на жалость ни к умиленным детишкам, ни к почтенным старцам. К середине восьмидесятых годов (сорок лет после войны, новое поколение, компьютеры, Интернет, рок, кич) мир окреп, научился лихо работать и удобно жить, беречь душу от разрушительных тревог. В здоровый образ жизни черные воспоминания не вмещаются. Но свербит, шевелится где-то в подкорке червячком совести: нельзя забывать тот прошлый страх. Сердце ли жмет, душа ли корежится, совесть ли ноет – неизвестно даже толком чего ради, а вот: нельзя забывать, да и все! «Нравственный императив», что ли?..

Но и жить с такой памятью – как? И виноватых по большому счету не перечесать: кто убивал, кто рядом стоял, кто отворачивался хоть со стыдом, хоть с отвращением, хоть с равнодушием – чуть не вся Европа замарана. Нашлось, однако, утешение: да, страшная была пора, но ведь и не без проблесков, не так все безнадежно: кто-то выжил, спасся – кто-то, значит, спасал. В их сторону надо глядеть, а не в могильную беспросветность. Оказалось удобно разместить: вот гонители, а вот спасители, в каждой стране свои. Палачи – и герои. Смерть – и жизнь. Тьма и свет. Пополам... Пятьдесят на пятьдесят. Фифти-фифти. Баш на баш. Да и хватит считаться и чего считать? Шесть миллионов истреблено? Почтим их память Мемориалами по всей земле, и мир праху их. А вот главный Мемориал, Иерусалимский Яд Вашем, насчитал почти двадцать пять тысяч неевреев, которые в годы Катастрофы рисковали спасти евреев; их зовут в Израиле «Праведниками народов мира». Двадцать пять тысяч просверков во тьме; вместе они – свет общей надежды не пропасть.

– Двадцать пять тысяч? Откуда? Кто? – надвигается на сотрудника Яд Вашема посетительница, согнутая годами, взбудораженная памятью, воспрянувшей здесь. – Какие Праведники-спасители? Где вы их берете? Я из ямы выбралась... не дострелили... два года

из деревни в деревню... никто воды не подал. Не своруешь – не съешь. Что за Праведники такие?! – Слова прыгают, палка-костыль дергается в неверной руке, в глазах и ярость, и боль.

...В XII веке великий еврейский мыслитель Рамбам назвал «Праведниками народов мира» неевреев («гоев»), соблюдающих как данные Богом «Семь законов Ноя» – несколько правил поведения из тех шестисот тринадцати, что заповеданы еврею. В другом еврейском источнике – книге *Зохар* (XIII век) под Праведником понимался гой, который справедлив по отношению к еврею, особенно тому, кого преследуют: религиозное определение «Праведник народов мира» смещалось в житейскую обыденность. Применительно к поре, когда преследование евреев достигло беспредела Катастрофы, Праведниками стали называть неевреев, которые вырывали евреев из смерти.

В своде еврейских норм и правил Талмуде сказано: «Кто спасает одну душу – спасает весь мир». Русскому уму привычнее народное наблюдение: «Не стоит селение без праведника».

Еще до ворот Мемориала Яд Вашем, перед последним витком асфальта на склоне горы, повисла над лесистой крутизной небольшая площадка с обелиском, где обозначено имя Рауля Валленберга, самого знаменитого спасителя евреев. Расположен обелиск слева от дороги и «спиной» к автобусам и пешеходам: проезжают они, пробегают, чаще всего не заметив этого первого в предстоящем многоголосии Мемориала не мотива даже, не аккорда, только тихого звонка, зачина. Еврейский Мемориал Яд Вашем – так уж вышло знаменательно – свою повесть о евреях начинает с поклона нееврею Раулю Валленбергу, шведскому дипломату, спасшему в 1944 г. тысячи евреев.

Когда-то в годы войны главный организатор убийства евреев А. Эйхман сказал заступнику за жертв немецкому пастору Карлу Хейнцу Груберу, Праведнику: «Что вы так печетесь о евреях? Никто из них потом не скажет вам спасибо». Несложно подтвердить это злобное слово. Евреи всякие бывают, других не хуже и не лучше. Но оставим шельмовать евреев юдофобам, им сподручнее.

Свидетельствует **А. Обидейко** (Кременчуг, Украина):

«Ревенок Евдокия Семеновна 1912 г. рождения... Когда в город вошли фашисты, она спрятала в подвале дома двух еврейских женщин с мальчиком примерно 1938 г. рождения.

Весной 1942 года фашисты дважды ставили под кирпичную стенку Евдокию на расстрел, спрашивая, где спрятаны евреи, а полицаи в подвале делали обыск, но не нашли. Евдокия с распущенными волосами истерически кричала и требовала, чтобы убрали ее дочь Галину, чтобы девочка не видела сцены расстрела. Галине в то время было 6 лет, и она все помнит. Мать не расстреляли, но она поседела, а ей тогда было 30 лет».

Дочь Евдокии Ревенок дополнила: спасенные женщины после войны подарили маме единственную свою ценность – тоненькое золотое кольцо. Мама отказывалась, еврейки настояли. Маму потом с тем кольцом хоронили.

В оккупированной немцами Боснии евреев спасала мусульманская семья Хардага. А в девяностые уже годы, когда взорвалась война на их земле, Израиль вырвал семью Хардага из-под бомб Сараева, и премьер-министр Ицхак Рабин сказал им: «Здесь ваш дом». Дочь спасителей Хардага Аида говорит: «Когда наш мир рухнул, только Израиль открыл перед нами двери и дал нам возможность жить по-человечески».

Неблагодарность спасенных – горькая случайность; как правило, они кланяются спасителям, ищут, как отплатить. Тысячи имен Праведников в Яд Вашеме не сами по себе объявились, не организованным поиском добыты – их сделали известными только хлопоты благодарных евреев.

Государство еврейское тоже вовсе не бездушно. Праведникам помимо почестей и гражданство, и жилье, и пенсия отнюдь не рядовая. Иностранным потомкам Праведника дают право на работу в Израиле – выручка безработному бедолаге из послесоветского пространства.

Однако, если вдуматься, подвиг спасителя, как ни старайся, толком не оплатить.

Что означало спасти человека? Спрятать? Скрыть от полиции? Но и прокормить, когда продуктов на своих детей не хватает. И оборудовать убежище (в каком шкафу городской квартиры прятать евреев от соседей-друзей-доносчиков? в каком погребе деревенского дома, в каком свинарнике?)... И, простите, вынести нечистоты, если нет уборной... И младенцу не дать ночью плакать... И при бомбежке схороняться в убежище, оставить скрывающихся в квартире и трястись, как бы они себя со страху не выдали вскриком... И вылечить больного без врача и лекарств... А если, не дай Бог, умрет, да в городской квартире – как и где хоронить? Быт свинчен из мелочей, любая могла угробить и укрывшегося еврея, и заслоняющего его спасителя.

Спаситель – это для евреев он Праведник. А для «своих»? Для тех, кому евреи костью в горле? Или для тех, кто просто по-соседски ненавидит спасителя (спасительницу) из-за давней ссоры?..

Есть и «штатные» враги. Стоит вспомнить, что в полицию и другие карательные части только на оккупированных территориях СССР напросилось служить не менее 250 тысяч местных жителей (на 16 тысяч немецких эсэсовцев и полицейских) – на каждого гитлеровского убийцу полтора десятка своих. А кто сочтет добровольных сопалачей ради грабежа, ради «золота еврейского», или квартиры, или хаты, или одежды? Охотники девочкой еврейской побаловаться, дети-наводчики в поисках премиальной конфетки, алкаши, которым за поимку еврея обещан самогон (Украина) или три литра водки (Польша). На многих оккупированных землях, особенно в Восточной Европе, застарелый антисемитизм обновился нацистской пропагандой и ненавистью к советской власти, которую часто поддерживали евреи. Чуть ли не всенародная распалилась война против евреев.

Ф.В. (Бруклин, США; свидетельство об оккупированном Киеве): *«История семьи Г. мучает меня всю жизнь. Отец ушел на фронт, а мать с двумя детьми не смогла эвакуироваться. Когда был приказ фашистов всем евреям явиться 29 сентября, мать поняла, что это не к добру, и, оставив ключ от квартиры и вещи своей подруге, жившей в соседней квартире, ушла с девочками из города. Три месяца они ходили по селам и прятались, а когда наступили холода, мать решила прийти в Киев, взять какую-нибудь одежду и что-нибудь для обмена на продукты. Поздно вечером они постучались к соседям-«друзьям». Те их выдали полиции. Судьба старшей девочки и матери мне неизвестна. А маленькую Ривочку один из соседей вывел на улицу... и на трамвайных рельсах топором отрубил ей голову».*

Так воевали с евреями не только в солнечном Киеве. После войны в Латвии из 90 тысяч евреев обнаружилось 150 человек, от эстонской тысячи с лишним евреев живых осталось несколько – считай, чисто! В той войне Праведник – изменник «своим».

Кому, как не ему, первая честь?

Не сразу, конечно, но сообразился порядок: общественная Комиссия – виднейшие юристы во главе – по представлению Яд Вашема взвешивает сведения о спасителе евреев и, если находит, что он действовал без какой-либо выгоды для себя, с риском потерять жизнь и свободу, присуждает ему звание «Праведник народов мира». Он получает соответствующее удостоверение, возможность почетного гражданства в Государстве Израиль, именную медаль и право на посадку личного дерева в Аллее Праведников. Этой-то Аллеей и открывается посетителю Яд Вашема.

Первое дерево посадили в 1962 году, в знаменательный для тогдашнего полусоциалистического Израиля день Первого мая. На старой фотографии: облитый солнцем косогор, несколько десятков зрителей, малочисленный военный оркестр, полукруг стульев с почетными гостями – первыми семью Праведниками – и посередине у микрофона Голда Меир, в ту пору министр иностранных дел. Все по-домашнему, в оркестре, кажется, одни струнные – негромкий праздник небогатой страны, скромность праведничества.

И дерево-то выбрали под стать: обычное для Средиземноморья растение не бог весть какой красоты или величины. Однако со смыслом дерево. Цератония, рожковое или мармеладное дерево, по-местному «хорув». Коренатый ствол, раскидистые ветви, круглый год в ласковых овалах листьев. Осенью взбрызгивают мелкие малоприметные цветы, чтобы к следующему лету вызреть темно-коричневыми до черноты стручками-рожками; зимой они опадают на сырую землю и, согрев, во влажном пахнущем дрожжами разломе открывают плоские круглые семена – «караты» (от них мера веса 1 карат). Главное же: внутри рожков мякоть, сладкая, «мармеладовая» – съедобна, вкусна и питательна; рожки целебны, лечат кашель, диабет, зубную боль, кишечник, желтуху, сводят бородавки, регулируют женский ритм... Целительное и кормящее, выручающее от смерти дерево – символ спасения.

Жизнь идет, семеро первых Праведников сегодня обернулись двумя десятками тысяч имен, Аллея охватила весь Мемориал уже Парком в две с лишним тысячи деревьев, цератония кое-где сменилась оливами и хвойными – можно отыскать нужную символику и в вечнозелености сосны, и в долголетию оливы... Сейчас за недостатком места деревья вообще не сажают, а устанавливают в специальной стене таблички с именами Праведников. Уважительность церемониала почти та же, но все-таки посадка дерева – значительнее. Не зря Яд Вашема, много лет понукаемый спасенными евреями, так долго искал форму обозначения благодарности Праведникам, пока не додумались: деревья. Земле украшение и живой шорох ветвей – шелест имен, судеб, невероятных сюжетов. Посторонитесь, легенды – д'Артаньяны, Штирлицы, Мюнхаузены!..

...Польская красавица Ирена Гут-Опдыке училась в школе медсестер, когда в 1939 г. в Польшу вошла Красная армия. Ирену арестовали, изнасиловали, отправили на принудительные работы. Она бежала в германскую зону оккупации. Немцы ее арестовали, ей пришлось изнурительно трудиться на оружейной фабрике, пока майор СС не взял ее в прислугу и уехал с ней в Тарнополь. Там она устроила прачечную, в которой укрывала 12 евреев. Спасая их, Ирена стала любовницей майора. В 1944 г. перед приходом Красной армии ее схватило гестапо. Бежала. Пришли русские. Теперь Ирену арестовали они, обвинили в сотрудничестве с нацистами. Она попала в советский лагерь военнопленных. Случайно встретились спасенные Иреной евреи, они вызволили Ирену из этого лагеря. Затем она оказалась в лагере для перемещенных лиц, там вышла замуж и с мужем уехала в США, где умерла в 2003 г.

...Ян и Антонина Жабинские, директор варшавского зоопарка и его жена, помещали евреев в свободные клетки. Надежно: рядом с запахами львов и хорьков. Пищу евреям доставлял семилетний сын Жабинских Рышард – прикрывал родителей от подозрений. «Ноев ковчег – люди со зверями» – так вспоминала убежище у Жабинских Р. Кенигсвейн, которая с тремя детьми скрывалась там больше года.

...На ферме голландца Альбертуса Зефата жили он сам, жена Аалте, сын девяти лет, две парализованные дочери. И тринадцать евреев в курятнике. По ночам евреи покидали убежище и присоединялись к семье, которая поддерживала их и дефицитными тогда продуктами, и куревом, и газетами, и даже нелегальными изданиями. Власти узнали о евреях; уют курятника пришлось поменять на землянки, евреи вместе с Альбертусом рыли их в лесу, переходя с места на место. В июле 1944 г. гестапо окружило ферму. От семьи потребовали выдать евреев. Альбертус отказался, его пытали при жене и детях, они тоже молчали. Эсэсовцы вывели Альбертуса во двор. Хлопнул выстрел, и немцы ушли. Аалте нашла мужа за домом с простреленной головой. Аалте немедленно предупредила скрывающихся: отныне из убежищ ни под каким видом не выходить. Она через друзей стала посылать им пищу и опекала до конца войны, спасши всех тринадцать. О смерти мужа она им не сообщила...

...Израильский историк доктор Вайс – симпатичный интеллигент – венчик седой на голове, мягкий взгляд, улыбка безмятежная... Ребенком он и еще семь человек хоронились в Бориславе (Львовщина) у крестьянки-украинки Юлии Матчишин. Подземелье, высота помещения полтора метра. Нужду оправляли здесь же, землицей присыпали. Наружу, на воздух, не выходили. Два года. ДВА ГОДА. Говорят сегодня доктору Вайсу: «Так нельзя выжить. Физически невозможно». А он заливисто веселится: «Но я ведь живой! Посмотрите внимательно!» Сын хозяйки служил в полиции, жил в доме матери и все два года не знал, что под ногами дышат евреи...

...У польки Марианны Ковальчик-Банасик часть спасаемых евреев, 5 человек и младенец, сидели на гумне в подземелье, прикрытом досками. На досках был навоз. Однажды корова испражнилась на головы прячущихся.

...Полковник польской армии Владислав Ковальский, двенадцать наград за храбрость от трех стран... Он укрывал евреев в подполе своего дома. После разгрома восстания поляков в 1944 г. немцы изгоняли их из Варшавы. Евреи Ковальского оказали ему: «Оставь нас. Спасай себя!» Ковальский ответил: «Спасемся вместе или вместе умрем». Он присоединился к тайному существованию спрятанных; впроголодь, почти без воды, на крохах сахара и витаминных таблетках они четыре месяца дожидались Советской армии. Выжили все: Ковальский и сорок девять (!) евреев...

...Янис Липке, докер из Риги, организовал по сути спасательную команду: несколько латышей, в том числе его жена и двое сыновей. С их помощью Липке вывозил евреев из рижского гетто, прятал у себя и на окрестных хуторах, которые он арендовал, чтобы держать там евреев под видом рабочих. Яниса Липке арестовали, он как-то выкрутился из гестапо – и продолжал спасать. Сорок два еврея спас Янис Липке. После войны за ту же дружбу с евреями его донимали уже единокровные доброжелатели: то угрозы по телефону, то лодку порубят, то еще какая пакость... Он умер в 1986 году; на его похоронах выступал рижский раввин, местные евреи много лет воевали с новой латвийской демократией за создание Дома-музея Яниса Липке, демократия уступила, когда перед Европой неудобно стало.

...Нет сегодня спасителя евреев знаменитей Оскара Шиндлера, австрийского бизнесмена, который на своей фабрике в Кракове уберег от неминуемого уничтожения 1200 рабочих-евреев. Однажды часть его людей эсэсовцы отправили в концлагерь – Шиндлер изловчился вернуть их оттуда, с самого порога смерти. Благополучие евреев обошлось недешево, одни только взятки немецким друзьям-начальникам чего стоили; Шиндлер разорился, новое предпринимательство не удалось, он жил помощью тех, кого когда-то выручил, пил, расстался с женой – сотрудницей в спасении евреев... Но почета он дождался: в 1962 г. посадил дерево своего имени в Яд Вашеме. А в восьмидесятые годы, уже после его смерти, на 12 языках вышла в свет книга Т. Кенелли «Ковчег Шиндлера». Он похоронен в Иерусалиме, на христианском кладбище возле Старого города, арабы – хранители кладбища подкармливаются подачками посетителей могилы Шиндлера, их немало сейчас, после выхода в 1993 г. и всемирного успеха голливудского фильма о Шиндлере. В Яд Вашеме у дерева Шиндлера неременная остановка экскурсий; американские туристы норовят отодрать с ветки листик на память, кладут по местному обычаю камешки к табличке с именем спасителя. Слава...

А поляк Бенедикт Красковский – кто о нем слышал?.. В. Шацман (свидетельство в Яд Вашем): *«13 сентября сорок первого года большая группа военнопленных, среди которых был и я, совершила побег из лагеря вблизи города Бяла-Подляска (Польша)... Я решил найти там приют в гетто... Двое бывших солдат польской армии-евреев... хорошо знали Бенедикта Красковского, хозяина столярной мастерской, находящейся за пределами гетто. Рабочими в мастерской были евреи. Б. Красковский, рискуя жизнью, приютил меня в мастерской, где я находился несколько месяцев... во время частых облав здесь укрывалось много евреев, а на чердак дома были принесены на хранение много сотен томов еврейских религиозных книг».*

И. Канер (свидетельство в Яд Вашем): *«В 1941–1942 годах я работал в мастерской Б. Красковского... [Он] заботился о нас как друг и старался охранить нас... в мастерской работали 17 евреев... Под руководством Красковского работники построили потайную комнату под мастерской, в которой укрывались во время опасности их жены, дети и родители. Б. Красковский хотел спасти всех... Я вспоминаю страшные годы войны и храню близко к сердцу память о ней – фотографию Бенедикта Красковского вместе с нами, евреями – работниками столярной мастерской... Он спасал кого только мог, несмотря на то что это было связано со смертельной опасностью».*

Чем не Шиндлер? Масштаб меньше, но риска больше: невидный человек, не подстрахованный ни богатством, ни чьей-нибудь защищающей спиной. Его убили польские националисты в 1944 г.

Б. Красковский признан недавно Праведником. А сколько таких Красковских сгнуло безвестно? Особенно горько за Праведников на восточных территориях, где оккупационный режим был гораздо безжалостнее, чем в Западной Европе. Например, в прославленных массовым спасением евреев Норвегии или Дании немцы считали жителей носителями арийской крови и соответственно относились к ним снисходительно; за помощь евреям здесь обычно карали тюремным заключением. К востоку, по мере приближения к ареалу «недочеловеков»-славян, немцы вели себя куда свирепее. Здесь обнаруженный спаситель обычно погибал, дом его взвевался пеплом по ветру, семья часто изводилась под корень.

6 декабря 1942 г. в Старом Цепелове (Польша) отряд СС за укрывательство евреев сжег двадцать трех польских крестьян, включая пятнадцать детей, из них двое – младенцы.

Среди казненных семейство Владислава и Каролины Косиоры с шестью детьми от шести до восемнадцати лет. По соседству, в Рековцах, в тот же день и за ту же вину эсэсовцы сожгли еще десять польских крестьян: то была другая ветвь семьи Косиоров, Станислав и Марианна с четырьмя детьми от трех до восьми лет, их бабушка и соседи, в том числе девочки восьми лет и тринадцатилетняя.

В 1944 г. эвакуированная в Узбекистан Е. Вайнштейн получила письмо из освобожденного от немцев родного ее села Солобковцы (Украина). Его под диктовку своей матери написал мальчик Володя Басалюк, мама только добавила в конце сердечное присловье: «Жду ответа, как соловей лета». А Володиной рукой: *«Здравствуйтэ Шендя. Я хочу вас сповистыты у своей вэлыкий биди. Колы фашисты окупырувалы Украину щось чэрэз пивтора року самэ в жныва у нас почалы быты еврэив. Миндя и Хайм втиклы до мэнэ и так воны у мэнэ сьдидлы 3 мисяци. а потим чы хтось заявив в жандармэрию чы шо то я нэ знаю и 24 листопада прийшли до мэнэ милиция и жандармерия и почалы шукаты и знайшлы... в студоли [в сарае] Миндю и диты забралы а Хайм в той жэ самый момент втик а куды вин втик то я нэ знаю тоди Арсэнька почалы дуже быты вин кричав нэ знаты яким голосом а мэнэ тоди нэ було вдома я була у свого брата на роботы, а Володька мий був в школи. Як вин почув що такэ вдома робытыся и втик в Удомивци потому на другой дэнь злапалы мэнэ. Миндю и диты побылы 25 листопада а 26 листопада вбылы мого чоловіка в 6 год. ранку [в 6 утра] а мэнэ пустылы у вэчир я прышла Арсэнька лэжав ужэ на лавци вбытый. Хату миндину повалылы... писля того в мэнэ забралы корову и кабана. Бувайтэ здорови Шендя и прыижайтэ колысь на Родину в гости...»*

На востоке и окружение было поюдофобистее, и единоплеменники отнюдь не привечали тех, кто мешал очистить родные просторы от жидовни.

Р.В. (Украина, Симферополь): *«До войны наша семья состояла из 9 человек: 5 детей, мама с папой, бабушка и няня Леля. Она жила у нас в доме 30 лет... немцы заняли город... Семья бежала в другой город, уже там ее уничтожили. Меня (4 года) и брата Сеню (6 лет) оставили у знакомых в Симферополе под присмотром няни Лели. Она каждый день подходила к дому увидеть нас через окно. Однажды женищина, у которой нас оставили, нас выгнала, и мой брат, посадив меня на плечи (мы были раздеты), пошел к нашему дому. На пути нас нашла Леля и отвела к своим родственникам. После этого она пошла к нашей соседке, у которой были оставлены детские вещи. У соседки Лизы шла пьянка с немцами, и когда Леля попросила вещи для меня и моего брата, Лиза сказала немцам, что Леля скрывает еврейских детей. Немцы стали пытаться ее, где дети, но она не сказала, и ее тут же расстреляли».*

На Кубани (Россия, Краснодарский край) немцы расстреляли Эсфирь Фейгину с двухлетним сыном на руках. О дальнейшем рассказывала ее родственница Ю. Сегаль: *«Эсфирь пришла в сознание ночью, на ощупь нашла трупик своего ребенка и выползла из рва. Идти она не могла, т. к. была ранена, и она поползла по полю. Наткнулась на кусок лемеха, вырыла им могилку, похоронила сына, воткнула на это место веточку, чтобы найти потом, и поползла в деревню.*

Постучалась в первую же хату, ей открыли, обмыли рану, накормили и спрятали то ли на сеновале где-то, то ли на чердаке. Несколько дней по ночам проводывали ее там, носили есть. А через плетень жила соседка, которая была в ссоре с хозяевами дома, она однажды ночью заметила что-то подозрительное и наутро донесла. В доме сделали обыск. Эсфирь вместе с дочерью хозяйки, 16-летней девушкой, вывели из дома, привели на площадь и расстреляли, а трупы бросили в колодец, связав вместе черную и русую косы».

На мрачном этом фоне еще ярче фигуры подвижников, и обидно малоизвестен героизм спасения в восточноевропейских странах, тем более затаенный, что и послевоенная жизнь с ее несвободой и антисемитизмом не давала проявиться Праведникам ни у себя дома, ни, того невероятнее, в Израиле, где Праведники могли бы рассчитывать хотя бы на почесть.

В Литве после вторжения немцев ведущие деятели, включая руководителей церкви, приветствовали их и лично Гитлера как освободителей от большевизма. Резонно: только за неделю до войны советские власти сослали в глубь России сорок тысяч литовских граждан. Среди них были и евреи, но запомнились не они, а евреи – исполнители акции. Ненависть к большевикам умножилась в Литве на антисемитизм...

Еврейские погромы начались сразу вслед за входом немецких войск. Среди их истребительных формирований – «эйнзатцгрупп» – была и часть, состоявшая только из литовских добровольцев. Места массовых казней евреев – Понары возле Вильнюса, Девятый форт возле Каунаса – обслуживались, от стрельбы до сожжения, литовцами. Жестокость их, случалось, потрясала даже эсэсовцев.

После войны в Литве насчитали 30 тысяч евреев. 88 процентов литовских евреев – исчезли...

А посреди этой оргии убийств стоит Вильнюсский университет, там работает Она Симайте, еврейские судьбы занозят ей сердце, и она говорит: «Не могу работать, не могу есть... Мне стыдно, что я не еврейка. Что-то надо делать...» (Это ее, Она, позднейшие разъяснения.)

Она выхлопотала у немцев разрешение выискивать в виленском гетто нужные университету книги. И пошла в гетто. Ежедневно носила евреям пищу, лекарства, передачи... Тех, кто собирался бежать из гетто, снабжала одеждой. Прячала у себя и у друзей евреев-беглецов, выправляла им фальшивые документы... Летом 1944 г. при попытке спасти десятилетнюю девочку из гетто Она схватили гестаповцы. Девочку расстреляли, Она выдержала жестокие пытки, не выдала ни еврейских, ни подпольных своих связей. Ее приговорили к смерти. Хлопотами университетских друзей смертную казнь заменил концлагерь Дахау. Оттуда ее отправили на юг Франции, где в августе сорок четвертого Она освободили союзные войска.

Из Дахау ее перебросили в концлагерь на юге Франции. После всех мытарств Она наконец была освобождена союзными войсками и поселилась в Париже доживать свою жизнь, искалеченную и праведную. В интервью французскому телевидению Симайте недоумевала, почему ее считают героиней, «вот еврейский народ, переживший Катастрофу, – говорила она, – настоящий герой».

15 марта 1966 года Яд Вашем присудил Она Симайте звание Праведницы среди народов мира, наградил медалью и правом посадить в Иерусалиме памятное дерево в свою честь. Однако дерево сажать было некому – Праведница жила в далекой Франции, в бедности. Дерево от имени Она посадила еврейка, спасенная ею. 17 января 1971 года в парижском доме для престарелых отмучилась Она Симайте – больная, нищая, не умевшая ничего просить для себя, одинокая, бездетная... «Мамой» ее называли евреи вильнюсского гетто.

На пытках в гестапо, где от нее требовали выдать всех, кому она помогала, и всех, кто ей помогал, Она часто теряла сознание, но ни разу не проговорила. От истязаний в гестапо ее спина навсегда перестала сгибаться. Она сопротивлялась по-своему. «Я молилась, – позднее вспоминала Она, – больше я ничего не могла сделать. Я старалась в своем мозгу спутать имена и адреса так, чтобы не суметь их вспомнить. И я молилась всем сердцем... И моя молитва нашла ответ».

Исписаны горы страниц о роли христианской церкви в преследовании евреев. Апостол Павел, рассорившись с евреями, назвал их «сосудами гнева, которые надо уничтожить». Эти семена ненависти проросли позднее хрустом еврейских костей, потоками крови. Уместно вспомнить и равнодушную отстраненность римской церкви от гитлеровского геноцида, и христианских пастырей, благословлявших убийц... К Пасхе 1943 г. киевский епископ Пантелеймон писал пастве о «безбожниках-иудеях», которые всегда стараются обмануть «наш добрый и доверчивый народ». Он возблагодарил «Великого Фюрера» за освобождение от евреев.

Но если бы высчитать среди Праведников религиозных христиан – процентов на 70–80 они бы потянули.

В оккупированной Варшаве за укрывательство евреев немцы убили католических ксендзов Ивицкого и Сурдацкого.

Глава руководства Варшавского гетто Адам Черняков писал о настоятеле местного храма Рождества Приснодевы Марии о. Северине Поплавском: «Он сказал, что видит Божию руку в том, что он оказался в гетто, но после войны выйдет отсюда как антисемит, которым и был, когда сюда приехал». О. Поплавский отказался покинуть территорию гетто даже во время акции по уничтожению евреев. Он погиб в сентябре 1944 г. под руинами своего храма, где в подвале он в 1942–1943 гг. скрывал многих евреев-христиан (христианство не берегло от уничтожения нацистами).

Настоятелем другой католической церкви на территории гетто, храма Всех святых, был о. Марчелий Годлевский, тоже до войны известный юдофоб. По словам vicария прихода о. Антония Чарнецкого, когда о. Марчелий увидел муки евреев, он «всем сердцем посвятил себя помощи им». 78-летний О. Марчелий жил вне гетто и приходил туда каждый день с едой и лекарствами, а выходя, выносил под сутаной на «арийскую сторону» детей. Польша среди оккупированных нацистами стран по довоенному антисемитизму первая, но именно в ней возникла единственная в Европе организация помощи евреям – «Жегота». И в создателях ее – известная до войны антисемитка, сегодня Праведница. Какой механизм отвернул душу от юдофобии? Не другой ли постулат апостола Павла: «Если не имею любви, то я ничто»?

«Возлюби ближнего...» – иудеохристианская заповедь. Для спасителя, вдохновленного Божественным указанием, личная его судьба второстепенна, и спасение – не просто поступок, а Деяние. Отсюда и твердость поведения на пике риска, и самоотверженность, и в конечном счете та результативность подвига, которая позволяла спасать и чужие жизни, и собственную совесть. «Душу свою спасти» – выражаясь языком верующего человека (между прочим, эгоистический стимул, хотя и в позитивной окраске). Вот как формулируют это сами религиозные спасатели: *«Я лишь сосуд, наполненный волей Бога. Я знаю, что, когда я встану перед Богом в Судный день, меня не спросят, как Каина: «Где ты был, когда кровь твоих братьев вопила к Богу?» (Имре Батори, Венгрия); «Бог даровал нам жизнь взаимы. И никто, кроме Бога, не может отнять жизнь. Вот все, что я знаю. Остальное неважно» (Эдуард Файкс, Польша).*

Протестантский пастор Берлина в гитлеровскую пору доктор Карл Хайнрих Грубер, Праведник, сказал: *«Моя роль не важна. Важен Всевышний, по чьей воле я действую; я хотел доказать, что в те времена царило не только безбожие убийц, но и проявлял себя Тот, кто охраняет людей».* Д-р Грубер все годы нацизма помогал немецким евреям: от содействия в выпечке мацы на Пасху до укрытия у себя или у своей паствы. Положение д-ра Грубера позволяло ему многократно выступать ходатаем за евреев перед их главным

убийцей Эйхманом. В конце концов Эйхман швырнул назойливого пастора в концлагерь: Заксенкаузен, потом Дахау. Около трех лет спустя, в 1943-м, чудесное стечение обстоятельств привело к возвращению Грубера в Берлин, где он снова принялся спасать евреев.

Штрихи к портрету пастора. Накануне Пасхи 1940 года по Берлину прокатились слухи о высылке евреев в гетто или концлагерь. Евреи искали у Грубера заступничества. Он им сказал: «Не знаю, что будет, но одно обещаю: я пойду в гетто вместе с вами». Позднее он пояснит: «Если уж совсем ничего не можешь для людей сделать, надо хотя бы идти с ними в лагерь – это, может быть, придаст им силы».

В концлагере Дахау доктор Грубер был отобран для мучительнейших медицинских экспериментов. Их проводил д-р Рашер, внук священника и любитель ставить опыты на священнослужителях (нет ли связи?). Грубер заметил Рашеру: «Вы не думаете, что Ваш дед ежедневно с неба наблюдает за своим внуком?» «Он, – вспоминал потом Грубер, – вдруг стал вежлив, сказал «да», а на следующий день отпустил меня и сказал, что попробует помочь мне освободиться».

В 1961 году в Иерусалиме д-р Грубер выступал свидетелем на процессе Эйхмана. Свои показания он завершил просьбой к судьям простить Эйхмана.

Христианское милосердие...

Израильянина Давида Притала в годы войны прятали тамошние христиане-баптисты. Один из них, Иван (Ян) Яцук, писал Д. Приталу о себе и остальных спасателях: *«Нас верующих по сучасной [современной] идеологии не любят, как и вас в сем мире. Материально пока живем неплохо, построили дом имеем машину, но только силы мои изменяют, часто головные боли, головокружение, и ничего не интересует, но пока еще живу. Савка уже тоже очень слаб, но еще ходит с палкой в руках, пасет корову. Оксеня тоже еле ходит, очень слаба. Я их посетил с твоим письмом, прочитал, то они как малые дети плакали, вспоминая о тебе, мы молились и передают тебе и твоей семье горячий привет».*

Д. Притал рвался посадить в их честь дерево в Парке Праведников Яд Вашема. Иван Яцук отвечал ему: *«Я очень благодарен тебе за твое уважение ко мне, что не забываешь меня как человека другой национальности, презренного в своем народе за мое убеждение, и ставишь еще меня в почет в великом городе народов Иерусалиме и хочешь посадить деревце в мое имя. Я недостойн этого. Почести на этой земле проходят как туман, меня обличает совесть, что я мог бы больше сделать для твоего народа во дни бедствия... Я ожидаю почести и награды у моего Господа там, в вышине в Его царстве».*

Хена Б. (Витебская область Белоруссии) в 1943 г. девятнадцати лет бежала из гетто, пряталась месяцами в крестьянской семье Вороновых, «свидетелей Иеговы»... Она вспоминала: *«Спаси человека, тем более прообраза библейских рассказов – это для них спасение для вечной жизни... Семья состояла из родителей, дочери Ирины с сынишкой и трех братьев. Мать боялась и ей не сказали, прятали меня в сарай, баню, поле и втихаря кормили. Они поразили меня своей беспредельной верой в Христа, в Библию. Когда немцы окружали деревню и жгли все кругом, они не убежали, не отпускали меня и говорили: «Это царство сатаны и если мы угодны Богу, он нас сохранит». Было очень много трагических событий, приходилось зимой в мороз уходить и где-то скитаться, но когда становилось спокойнее, я возвращалась».*

К зиме они выкопали погреб под кроватью и уже уговорили мать принять меня... Кто бы ни стучал в дверь – меня прятали в погреб и так до освобождения летом 1944 года».

«Свидетели Иеговы» – единственные добровольные жертвы нацистских концлагерей. Немцы предлагали им освобождение при условии отречения от веры. Они предпочитали стоять насмерть. Самопожертвование стало для них образом жизни, и спасение евреев вписывалось в него без особых затруднений.

С такой же самоотверженностью бросилась в Париже вызволять еврейских детей мать Мария, французская православная монахиня, бывшая русская революционерка Елизавета Скобцева. Из ее дневника: *«На Страшном суде меня не спросят, достаточно ли я постилась и сколько раз преклонила колени пред алтарем. Меня спросят, накормила ли я голодного, одела раздетого, навестила ли больного и узника в тюрьме».*

В самый бы раз поклониться христианской морали, но...

...но вспоминает Шахмелек Халамлиева, одна из одиннадцати детей мусульманской семьи Халамлиевых в оккупированном немцами карачаевском поселке Теберда: *«В один из дней августа 1942 года мой младший брат Мухтар привел в дом родителей трех девушек-евреек, эвакуированных из Киева... Отец, мать и все мы были ошеломлены поступком брата. Было очень опасно скрывать их. Это грозило повальным истреблением и девушек, и всей нашей семьи. Но отец, Шамаил Конакович, сказал на следующее утро: «Это Аллах нас испытывает, какие мы люди. Мы не можем отказать им в приюте... Пусть живут с нами. Что Аллах предначертал, то и увидим». Скрывали девушек сначала высоко в горах на летних пастбищах, а когда стало холодно – дома в поселке».*

Католики, протестанты, православные, мусульмане – смешались конфессии спасителей. А Праведник Ян Жабинский вовсе без конфессии – атеист. Поди-разбери-пойми.

Вот албанцы: две трети мусульмане, треть христиане, побольше православных, поменьше католиков, а в общем никакого особого религиозного рвения, вера с верой в ладу, так что и браки между иноверцами не в диковину – примитивное этакое племя, дети гор, ни христианской благодати, ни исламской жесткости, и живут по правилам проще не придумать, вроде «Дом албанца служит Богу и всякому нуждающемуся в приюте». Так в их своде законов записано. И пояснял албанский Праведник Рафик Весели: «Наш закон требует быть гостеприимным. Если бы албанец выдал живущего у него еврея немцам, он бы опозорил свою деревню и свою семью. Как минимум его дом разрушат, а семью изгонят». А еще албанцы говорят: «Все равны перед Богом, хоть красавец, хоть урод» и «Албанец скорее убьет собственного сына, чем нарушит клятву». Красиво сказано, но ведь и делалось по слову. Суло Мечай, крестьянин из деревни Круя, приютил в своем доме 10 евреев. Вдруг узналось, что немцы вот-вот нагрянут с обыском. Суло Мечай велел евреям быть готовыми по его сигналу спрятаться в тайник, который он им устроил на чердаке. Евреи запаниковали: «А если немцы подожгут дом?» Чтобы их успокоить, отец приказал своему единственному сыну лезть вместе с евреями на чердак, чтобы разделить их судьбу, если дом подожгут. Все обошлось. После войны этот сын объяснял: «Отец не имел выбора. То был вопрос чести». Уж точно дикость. В деревне Круя все жители знали о евреях, спрятанных у Мечая, у родителей Р. Весели, в других домах. Никто не выдал.

Бекир Когиа прятал у себя своего друга-еврея, который отдал ему все, сколько имел, золотые монеты на свое содержание и за спасение. Война кончилась, и Когиа вернул деньги полностью вопреки протесту друга. Спасаемый – гость, за гостевание брать плату – позор.

69 албанцев Яд Вашем признал Праведниками мира. Албанцы – единственная европейская страна, где евреев после войны оказалось больше, чем до нее: албанцы сохранили не только своих 1000 евреев, но и еще иноземных, бежавших к ним.

Нет закономерности по конфессиям, как и по странам, и по национальностям – никакой увязки.

В Яд Вашеме на 1 января 2013 г. значилось 24 811. Среди них по численности на втором месте после поляков (6394 чел.) голландцы, 5204 человек. Умиленному поклоннику Голландии (а тут еще прибавляется знаменитая история укрытия в Амстердаме семейства Анны Франк) надо бы вспомнить, что в соседней Бельгии при тех же, в общем, условиях оккупации убережены почти все евреи, 24 тысячи человек, а в Голландии погибло 80 процентов 140-тысячной еврейской общины.

Украина с Белоруссией и Россией, где все-таки спасены тысячи евреев, втроем выявили у себя 3214 Праведников – в два раза меньше, чем голландцы. Зато у маленькой не оккупированной Швейцарии, где собственных евреев вообще не надо было спасать, нашлось 45 своих Праведников.

П. Гуцол (Украина), письменное свидетельство:

«Я работал ездовым на строительстве дороги до города Камене́ц-Подольска. Выгнали строить шоссе и евреев. Кормили их плохо, а работа была тяжелой. Убежать было трудно.

Мое сочувствие к людям, попавшим в беду, забирало от меня страх смерти, поэтому я шел на риск. Особенно жалко было сироту Бирман Анну. Ее родителей, родственников уже расстреляли. Я начал уговаривать Анну бежать... [он достал в своем родном селе Лоевцы справку, что Анна – его сестра] ... И когда евреев повели на расстрел, мне удалось проникнуть к траншее [месту расстрела] и я начал просить немцев, чтобы отпустили мою сестру Анну Демьяновну Гуцол, которая попала к евреям случайно. Немцы были пьяные и начали бить меня ногами. А я все показывал им справку, что я украинец, а Анна – моя родная сестра. Тогда шуцман [полицейский-украинец] спросил толпу, кто Гуцол Анна Демьяновна. Анна отозвалась и подбежала ко мне и со слезами сказала, что я ее брат... Но не успели мы отойти от ямы подальше, чтобы скрыться, как нас догнали шуцман с немецким солдатом. Шуцман говорил солдату, что она – еврейка и начал прикладом гнать нас к яме. Мы сопротивлялись, кричали.

Подошел немецкий офицер и спросил, что за шум. Шуцман сказал, что [это] жидовка, он знает [ее] по фамилии и в лицо. Офицер приказал нас обоих повесить. Мы онемели...

Когда нас отвели от места расстрела, немецкий солдат начал уговаривать шуцмана отпустить нас, но тот не соглашался. Они начали ругаться. Немец показывал три пальца, стучал себя в грудь и кричал: «Киндер, киндер!» И вдруг выстрелил в шуцмана из винтовки.

Мы побежали в одну сторону, а немец в другую».

Поди разгреби, чья здесь национальность палаческая, чья – спасительская?..

Напутано, натуманено не только с нацпринадлежностью.

Высочайше культурная Германия (Кант, Гегель, Фихте, Гердер, Гете, Шиллер, Бетховен, Ницше... – бесконечен ряд) раскрутила Катастрофу евреев. На Эвианской конференции 32 государств в 1938 г. самые цивилизованные Англия, США, Франция, Австралия не нашли возможностей приютить евреев-беженцев из-под нацистского топора, одна малоразвитая Доминиканская республика взялась принять сто тысяч беженцев, и то в расчете на дешевую рабочую силу.

Немецкий Праведник пастор Грубер вспоминал, как просил своих прихожан спрятать преследуемых евреев: «Простые люди соглашались, а обладатели университетских дипломов часто находили уважительные причины для отказа». Ухмыльнуться в очередной раз по поводу интеллигенции? Мешают спасители евреев болгарский литератор и политик

Димо Казасов, бельгийский инженер Леопольд Рос, чехословацкий филолог доктор Анна Биндер-Урбанова и не сочтешь бизнесменов, адвокатов, дипломатов, педагогов, артистов – все народ не простой...

М. Вехнис (США) свидетельствовала о бывшей царской фрейлине графине Людмиле Дмитриевне Бутурлиной, заброшенной революционными вихрями в эмиграцию, в Латвию. После оккупации Латвии немцами графиня скрывала в Приедаине (Юрмала) еврейку Хаву Гинцбург, пока соседи не выдали ее, и Хава погибла.

В захваченном гитлеровцами Кисловодске трех девочек-евреек уберегла от уничтожения Варвара Цвиленева из дворянского рода Батюшковых; в питерском Эрмитаже в галерее героев войны 1812 г. висит портрет ее предка генерала Цвиленева.

Напрашивается поверить, что благородство наследственно. И необязательно аристократическое прошлое. Б.Б. Вольфсона на фронте тяжело ранило в голову, он попал в немецкий плен, потом к Анастасии и Ефиму Рогожиным (Иловайск, Украина), они, рискуя собой и своими детьми, укрыли солдата-еврея и выходили его. Родители Ефима Рогожина за четверть века до того, в Гражданскую войну, тоже прятали евреев от погромщиков. В 1913 г. в Киеве во время процесса облыжно обвиненного еврея Бейлиса его защищал русский ученый А. Глаголев – сын его, православный священник, спасал евреев в оккупированном Киеве.

Розовая вызревает мечта: под свист центрифуг и стрекот компьютеров бессонные ученые выделяют ген альтруизма, размножают, внедряют, и мир добрее, все в улыбках, все – в любви... Сбываются слова Праведника В. Ковальского при его награждении: *«Мне вручают медаль за дело, которое не требует никакой награды. Всем своим сердцем я хочу помочь распространению братской любви между народами всего мира: если этот идеал осуществится, не придется одним людям спасать других людей и получать за это награды».*

Да что-то пока не ладится там у биологов. Возможно, не только у биологов?..

Пастор Грубер пытался, по его словам, общаясь с Эйхманом, понять его, он надеялся и в Эйхмане отыскать просвет. Доктор Грубер говорил: «Человек не может всегда действовать на пике садизма... В каждом человеке есть оазисы благородства... Но в последние годы, – печалился он в 1961 году, – я вижу, как демонические силы растут и поработают людей».

«Регресс человечества» – так выразительно названа книга о поведении человека, опубликованная в 1983 году нобелевским лауреатом Конрадом Лоренцом, крупнейшим этологом (и антисемитом, но ему вряд ли думается, что и он поучаствовал в огорчающем его регрессе).

Лоренц рассуждает о «моральном императиве» Канта или врожденной морали, которая направлена на сохранение биологического вида. Чем больше «инстинктивно альтруистичных» индивидов в первобытном племени, тем больше у него шансов выжить. *«Но увы, – пишет Лоренц, – такая «врожденная мораль» проявляется только в рамках коллектива близких людей».* Иначе говоря, фронт работы альтруизма сужается природой. По данным одного из исследователей, он ограничен цифрой в 11 человек – лишь стольким людям каждый может дарить добро за свой счет. Лоренц тут вспоминает, что из двенадцати апостолов именно одиннадцать оказались близкими и любимыми. *«Человек, – продолжает он, – «недостаточно добр», чтобы инстинктивно выступить в защиту анонимного, лично ему не знакомого члена массового коллектива. Для такого рода «морального» действия человек нуждается в приказе разума или культуры. И поскольку он исполняет эти приказы*

не в соответствии с «врожденными склонностями души», такие приказы неизбежно вступают в противоречие с его «древними инстинктами», вынуждая его непрерывно насиловать врожденные, присущие ему от природы программы поведения. Наш «биологический альтруизм» удерживает нас от безграничного, направленного на все человечество «культурного альтруизма».

В популяционной генетике есть понятие «отбор по родственному признаку»: животное ищет для дружбы «своего» и находит его по запаху, который определяется родственными генами. Свой своего познаша.

Применительно к человеку говорят о «круге света»: света моей культуры, или моей родни, или моих привязанностей, или сердечных влечений – кто попадает в этот круг, тот мой, того люблю, на того жизнь свою трачу...

Станислав Лем ввел термин «границы солидарности»; они могут определяться разными соображениями. Например, антропоморфностью: муравья затоптать легче, чем убить кошку, человека еще сложнее, особенно «своего» по, скажем, цвету кожи или футбольным пристрастиям. Как давным-давно заметил Ж.-Ж. Руссо, человек склонен симпатизировать только тому, кого может отождествить с собой. Короли не знают жалости к своим подданным, потому что не видят их подобными себе, не понимая, что все равно беззащитны перед страданиями или смертью. И так легко предположить, говорит Руссо, что тот, кто не похож на меня, не может испытывать боль так же, как и я. (Вот и у нацистов евреи – нелюди, паразиты, насекомые; раздави вошь – чего там она испытает?..)

«Не обижай пришельца» – оно когда сказано? Две с половиной тысячи лет как не прошли, все-то крутимся в колесе противостояния: «мы» и «они», «свой» и «чужой». А Праведник не хочет знать понятия «чужой». Его солидарность не имеет границ, в его круге света – все человечество.

Кто же Праведник – он каков? Аристократ, плебей, интеллигент, хам, ворюга? Умен, хитер, набожен, неграмотен, учен, слезлив? Склочник, удалец, ловчила? Ухватить бы...

Двое ученых, каждый сам по себе, взялись поискать: кто они, Праведники, из какого детства, из какого теста леплены. Изучали образование, привычки, друзей, характеры... На многих примерах, солидно, ре-пре-зен-та-тивно... Вышло: у одного Праведники – индивидуалисты, бунтари, против общих правил; у другого – послушные приспособленцы, сотрудники любому режиму. Ускользает Праведник от измерений.

Природа вложила в человека агрессивность. Без нее никакой популяции не выжить. Когда врага нет, она накапливается. Известное наблюдение: если долго жить в изолированном пространстве даже с лучшим другом, можно возненавидеть его вплоть до убийства. Таков естественный закон. Норма.

А Праведник – вне нормы. Его ведет доброта. Иммануил Кант говорил о «моральном императиве» – законе нравственности, изначально заложенном в человеческую душу. Кант жил двести лет назад и ему, наверно, было бы непросто в нашем веке сопрячь опыт гестапо (или ГУЛАГа) с понятием врожденной гуманистической морали. Мир оказался плох, безнравственен. А Праведник не оглядывается – он спасает. Выгребает против течения. Праведник переступает через национальные перегородки, как и расовые, классовые, религиозные – любые. Он – революционер в этом смысле, но он – еще бóльший революционер, когда рушит привычные рамки человеческого эгоизма.

То сам рушит, то обстоятельства ведут. В какофонии войны и вражды не всегда ясны мотивы спасения.

Тщеславие? В Норвегии жили 1800 евреев, сто пятьдесят из них бежали из страны в начале немецкой оккупации. Сразу после первых арестов евреев в октябре 1942 г. лютеранская церковь Норвегии осудила их преследование, а антифашистское подполье принялось тайно переправлять евреев в нейтральную Швецию и к февралю 1943 г. вывезло примерно 800 человек. Пришло время, Яд Вашем предложил норвежцам назвать имена спасителей для их чествования – они отказались: «Посадите одно дерево на всех». И датчанам, почти всех своих евреев спасшим и отказавшимся от поименной славы, высадил Яд Вашем одно общее дерево: «Народу Дании».

Что Праведнику огласка? Суета и тщета... Французский городок Ле-Шамбон на юге Франции чуть ли не весь выручил пять тысяч евреев. Тихо, не ища себе хвалы и после войны. «Защита обреченных – богоугодное дело», – говорил местный священник и объяснял поведение своих прихожан-протестантов их памятью об уничтожении гугенотов (по-нынешнему, геноцид). Отозвалась вдруг Варфоломеевская ночь!

Корысть? Великому спасителю тысячи двухсот евреев Оскару Шиндлеру, и тому когда-то приписывали «выгоду»: мол, свой завод, где он сберегал сотни человек, Шиндлер отобрал у еврея и наживался потом... (От одного из убереженных шел, между прочим, этот запах.) А сам спаситель объяснял: *«Я ненавидел жестокость, садизм и безумие нацизма. Я просто не мог стоять и смотреть, как уничтожают народ. Я делал... что мне велела совесть»*. Если уж не доверять до конца его словам, то предположить следует в придачу к совести не «корысть», коей и в помине не было, а скорее азарт: с гитлеровской машиной одному побороться – заманчиво жизнелюбу типа Шиндлера.

Жизнь многоцветна, и расчетливость спасителя не исключена. Кто-то взялся сохранить ребенка, соблазнившись грошовым перстеньком и не сообразив риска, а потом вдруг объявилась совесть, перекрыла путь назад, пришлось спасать, и рисковать, и платить несоразмерно домом, собой, судьбой... Или: укрываемую девочку выгодно обратили в няньку собственным детям, прислугу, рабыню... Или: мать полица в Бориславе (Украина) спасала еврейскую семью не только по старой дружбе, но и в надежде облегчить судьбу сына, когда вернется советская власть.

Случай? З. Григорович из белорусской деревни Заречье (Минская обл.) зимой 1942 года шла мимо соседнего совхоза и видела там за колючей проволокой гетто расстрел евреев. Дальше ее рассказ: *«Через проволоку одна женщина подала мне сверток и молила отнести его в деревню. Я взяла и побежала домой. Там была девочка 6–9 месяцев, вся в коросте. И книжка. Мать ругала меня: «Пятнадцать лет, а дура-дурой! Что теперь с малявкой делать? Не выкинешь же!» Мы сказали в деревне, что я нашла ребенка на дороге. Деревня маленькая, несколько домов. Бабы сказали: «Пускай. Умрет – так умрет, а выживет – будет жить». Дед Прокон сказал: «Узнают немцы – всю деревню постреляют. Так что молчите». Молчали всю войну. Днем немцы заезжали – грабили, ночами партизаны грабили. Но никому никто про девочку не сказал...»*

Девочку спасли. Сейчас она в Израиле, при ней книга, вложенная матерью в сверток с младенцем, – Тора старинная, в кожаном переплете с медной застежкой – памятник белорусской деревушке-Праведнице, всем скопом нежданно-негаданно угодившей в подвижничество; никаких там мотивов, так уж вышло...

Сколько людей попадали в подвижники невзначай, не по своей воле, а по стечению случайностей! Но обычно все-таки наличествовала предрасположенность души, которая не позволяла отмести сочувствие или жалость, накатывающие непрошено, но неотвратимо.

Тогда и легкий толчок сыновьего ребячьего не замутиненного ничем сердца может решить мамину жизнь.

1992 год, Яд Вашем. На открытие памятной таблички в честь умершей Праведницы прибыл из Украины ее сын, «такий соби хлопонец» лет вроде сорока, шаровидный, кровь с молоком, лысина с чубом, руки-грабли-лопаты, ну, колхозный комбайнер, а то и бригадир. Слепящий полдень, церемониал, речи... Спасенный, истрепанный израильский старик повествует, указывая на гостя: «Я с гетто до них у хату прибегаю, его мама меня покормила и говорит: «Иды, хлопчику!» И он, вот он, ему тогда шесть годков было, заплакал и каже: «Не хочу шоб того хлопчика вбылы, сховай його, мамо!» И так же ж плакал, шо вона меня оставила... и аж до освобождения...» – Он задыхается, а крутой хлопец целует мамино имя на табличке, и солнце скатывается слезой по его пунцовой щеке.

В реальной жизни ни судьбы, ни побуждения не разделить, да и как-то стыдно поверять пошловатой алгеброй гармонию доброты. Существенно одно: работает альтруизм даже в самых античеловеческих условиях.

В романе польского писателя Ежи Анджеевского «Пасхальная неделя» ксендз пытается спрятать еврейку, но обоих расстреливают по доносу соседа. Анджеевский описывает разные варианты отношения поляков к обреченной еврейке: ненависть, страх, жалость, равнодушие – все они, согласно автору, бесплодны; в бесчеловечной атмосфере нацизма нет места никакому человеческому решению. «Человечность попросту отменяется», – заключает писатель.

Не только человечность отменилась: рушится вся европейская цивилизация, настоенная на христианстве. «Несть ни эллина, ни иудея»? Бросьте, вот он, иудей, выделен и обречен. «Не убий», «возлюби ближнего»? Дудки! *«Извечно побеждает только стремление к самосохранению. Под ним так называемая гуманность как выражение глупости, трусости и кичливого умничания тает, словно снег под мартовским солнцем. В извечной борьбе человечество выросло, в извечном мире оно погибнет».* Это Гитлер, его книга «Моя война»; там и новейшая заповедь начертана: *«Одно существо пьет кровь другого. Одно, умирая, питает собой другое. Нечего молоть вздор о гуманности».*

Не умер Гитлер, шевелятся последыши в темном подполье, время от времени выставляя на свет то упитанную задницу, то голодный оскал.

Осознание всеобщей значимости Катастрофы евреев может лишить людей всякой перспективы: человек оказывается безмерно порочным, мир – беспроглядно ужасным. Замечено: «После Освенцима нельзя писать стихи». Точнее сказать: и в Освенциме нельзя писать стихи. А Праведники пишут. И во время, и после. Для Праведника человечность неотменима.

Какая сила толкает украинскую крестьянку (частное сообщение) скрыть еврейскую девочку и, спасая от полицаев и соседей, удочерить? А потом воспитать так, что, когда после войны объявится настоящая мама забрать дочку, та прокричит: «Нэ хочу до жидив! Не буду исты ту жидивську курочку!». «Кугочку!» – скартавит она, дразня, ненавистно, в лицо еврейке-маме. А приемная мать довольно хмыкнет, она тех жидив сроду на дух не выносит. «Так чего ж ты еврейку спасала?» – спросили ее много лет спустя. «Та воно ж людына («то ведь человек»)), – и пожала плечами, удивилась непониманию.

Соучастников гитлеровских преступлений в Германии насчиталось пять миллионов. На оккупированных землях местных убийц и подручных тоже ведь сотни тысяч. А Праведников в Яд Вашеме сегодня набрали двадцать четыре тысячи. Недоучли, естественно, многих: один СССР почти полвека не давал объявиться защитникам евреев.

Сколько же не выявлено? Если думать о людях хорошо, наскребется еще тысяч двадцать. Против миллионов-то...

Но праведная эта капля в море освенцимского самоубийственного беспредела, может быть, единственная надежда.

Покидая Яд Вашем, вырываясь из тисков Катастрофы, оглянись, душа обожженная, на деревья Праведников. И на обратной дороге, с ближней теперь стороны, справа, уже лицом к тебе, глянет обелиск с именем Рауля Валленберга. Он спас десятки тысяч евреев. Поклонись, прохожий...

И поклонись, читатель, замечательному стечению обстоятельств: американская школа, умный учитель, чуткие школьницы, пронзенные еврейской трагедией и великим подвигом спасения, – и вышла в итоге добрая книга об Ирене Сендлер. Вот эта.

Анатолий Кардаш, писатель, исследователь Катастрофы евреев (Холокоста) в годы Второй мировой войны.

Послесловие

к книге Джека Майера "Храброе сердце Ирены Сендлер"
(Москва, Издательство «Эксмо», 2014, ISBN 978-5-699-65020-0)

Эта книга – насыщенный раствор, вот-вот выпадут кристаллы. Кристаллизуются, воссоздаются события и люди, является минувшее: предвоенная Польша, война и оккупация; Варшавское гетто и смерть узников, голод и тиф – смерть случайная и планомерная, неотступная; еврейская полиция и евреи-борцы; лагеря уничтожения Освенцим и Майданек; польское Сопротивление и нелегальная Армия Крайова; восстания против немцев в гетто в 1943 г. и в Варшаве в 1944 г.; облавы и расстрелы, гестапо и пытки; легендарные герои Я. Корчак, Я. Карский, Э. Рингельблум, организация спасителей евреев Жегота, создатели ее З. Коссак и Ю. Гробельный; антисемитизм в Польше – довоенный и послевоенный...

Книга, однако, не только толчок подумать над прошлым. Она еще и роднит сегодняшнего читателя с давней порой, ему малоизвестной историей, простым сопряжением сходных и одновременно противоположных ситуаций. Потому что в книге и современные американские школьницы с их теперешней жизнью.

Два прощания. Пятилетняя Лиз в мирной жизни расстается с матерью, наркоманкой и алкоголичкой. *«Мать сорвалась из-за стола, отбросив в сторону стул, и выбежала на улицу, с треском захлопнув за собой дверь. Через мгновение взревел разбуженный стартером старый, усталый автомобильный двигатель. Она соскользнула со стула и, подбежав к двери, успела увидеть маму за рулем выплевывающего из-под бешено вращающихся колес комья грязи старого «бьюика». Машина сорвалась с места, будто за ней гнались все демоны преисподней, и больше Лиз никогда свою мать не видела. Она с ней даже не попрощалась. Лиз смотрела, как пыльный след, оставляемый убегающей от нее матерью, становился все длиннее, а потом и вовсе скрылся за горизонтом.... Лиз гадала, плакала ли ее собственная мать, убегая тогда из дома, или хотя бы вспоминала ли о том, что пятилетняя Лиз стоит, уткнувшись в сетчатую дверь, дожидаясь ее возвращения?»* И расставание в гибнущем Варшавском гетто – обреченная мать и попытка уберечь ребенка: *«Вдоль стены метнулась какая-то тень... это была одетая в коричневые и серые лохмотья женщина с замотанным в грязное тряпье младенцем на руках. Женщина склонилась к земле, подняла небольшой камень, перебросила его через стену и снова спряталась в тени. Мгновение спустя с арийской стороны прилетел точно такой же камень, и женщина решительно поднялась на ноги, прижимая к груди младенца. Даже на таком расстоянии Ирена услышала, как женщина сделала два резких глубоких вдоха, а потом нагнулась вперед, трижды раскачала сверток с ребенком, держа его обеими руками, а потом перебросила через стену. Ребенок перелетел над стеной в считанных сантиметрах от вмонтированных в ее верхнюю часть острых осколков стекла. С той стороны не донеслось ни звука. Женщина рухнула на колени и начала гладить стену – камни, навсегда разлучившие ее с ее ребенком. Потом она поднялась на ноги и крадучись скрылась в темной тени...»*

Сопоставление не всегда прямолинейно, оно может быть и просто угадываемо – так напрашивается сравнение привычной, мирной Пасхи и той, когда немцы выжигали восставшее Варшавское гетто и внутри него горящие люди выбрасывались из этажей: *«В Пасхальное воскресенье над гетто все еще висели тучи черного дыма... Однако, подходя*

к нему, Ирена услышала... звуки музыки. На площади красовалась карусель и гигантские качели. Рядом со стеной гетто под вальс из «Веселой вдовы» на карусельных лошадках катались визжащие от восторга дети и влюбленные парочки. Качели-лодочки уносили детей высоко в небо, и они, оказываясь на самой верхней точке, могли на какое-то мгновение заглянуть на территорию гетто. Карусель была окружена наспех сколоченными ярмарочными павильонами. В одном торговали сосисками с жареным луком, из другого доносился цирковой марш, в тире хлопали пневматические ружья... а из-за стены слышались очереди, выстрелы танковых пушек и полицейские свистки. Крутилась карусель, летали качели, а празднично одетые люди поздравляли друг друга с Воскресением Христовым».

Но за всеми впечатляющими картинками, изумляющими подробностями и красочными деталями – над и под описаниями пронзает весь текст забота Ирены: «Не забывать!»

Ирена Сендлер – хранительница прошлого. Не только этого, трагического и героического. Закапывая склянки с именами спасенных детей, она давала возможность детям, переименованным ради спасения, вернуться потом к именам, данным родителями, вернуться к своим истокам. Ирена – жрица памяти.

Она писала в Америку девочкам, которые делали школьный спектакль о ней, Ирене, и соответственно о Холокосте: «Мне хотелось бы также узнать, вы исключение или в вашей стране многие молодые люди интересуются трагедией Холокоста. Я думаю, вы делаете большое дело, и о нем должно узнать как можно больше людей... Несмотря на то что мировая история знает случаи жестокого притеснения евреев, ни одна другая страна не ставила себе задачей уничтожение целой нации. По этой причине то, что вы делаете, имеет для всего мира огромное значение. Эти чудовищные злодеяния не должны повториться!»

В другом письме: «Вы интересуетесь темой Холокоста. А понять ее трудно не только тем, кто не был свидетелем злодеяний нацистов, но и тем, кто сам стал их жертвой. Осознать и понять, что фашисты сделали с несколькими миллионами людей, среди которых было шесть миллионов евреев, почти невозможно. О Второй мировой войне написано очень много, но понять масштабы преступлений нацистов не под силу никакому здравомыслящему, психически здоровому или просто нормальному человеку».

Она говорит девочкам: «У меня было много помощников, и мне хочется, чтобы вы узнали обо всех этих людях. Мир не должен забыть их имена». Или: «Очень больно все это вспоминать. Но помнить об этих ужасных временах мы просто обязаны. И вы должны рассказывать эту историю людям». И еще: «Умирают мои старые друзья и соратники. Больше всего я боюсь, что после смерти последнего из спасенных все забудут о Холокосте. И поэтому сердце у меня болит сильнее, чем ноги. Всю мою долгую жизнь меня больше всего печалили мысли о том, что с моим уходом из жизни может исчезнуть и память о тех временах». И опять: «Я понимаю, почему полякам не хочется вспоминать. У всех нас есть болезненные воспоминания. И помнить об этих событиях очень неприятно, но необходимо...»

Зачем? Долг перед покойниками. И чтобы избежать повторения. Как сказал когда-то великий подвижник Варшавского гетто Януш Корчак: «Кто убегает от истории, того история догонит».

Люди самосохраняются, забывая прошлое, иначе – отчаяние, руки опускаются.

Утро. Предвкушение дня. Человек берет в руки свежую газету. На первой странице – по башке, под дых – каждодневность: войны, террор, убийства, ураганы, вулканы, цунами –

кровь, трупы, руины, пожары – чернуха, жуть, смерть... То ли дело последние листы: шутки, кроссворды, спорт – развлекаловка. Большинство людей потребляет газету с конца. И в телевизоре выбирает программы повеселее, подальше от новостей со всамделишными трагедиями. В Америке редактор телевидения сговаривается с гостем-историком насчет даты передачи о истории Холокоста. Субботу редактор отвергает: «Нельзя завершать неделю мрачным разговором. Как после него отдыхать?» Воскресенье, говорит редактор, тоже не подходит: «Впереди рабочая неделя. Как потом людям работать?» Билл, дедушка школьницы Лиз, объясняет ей, что в войну были жуткие времена и «хуже всего была эта история с евреями. Люди просто с ума посходили». А фильм об уничтожении евреев «Список Шиндлера», даже с его голливудским «хеппи-эндом», дедушка смотреть отказывается: «Я такие фильмы не люблю». Ирена ведь и сама при всем ее бескрайнем мужестве не отваживается смотреть пьесу о себе и о том кошмарном прошлом, где затаились ее прежние страхи, боль души и пытки в гестапо, безудержный разгул смерти... Она говорит: *«Мне кажется, многие хотят, чтобы мы просто потихоньку поумирали и перестали напоминать о темных страницах нашей истории. Жизнь полна и чудес, и ужасов. Я, несмотря ни на что, стараюсь вспоминать только хорошее, но иногда это слишком трудно... слишком больно».*

Американский профессор Г. Дж. Каргас, католик, именующий себя «послеосвенцимским христианином», говорит: «В Шоа каждый убийца был крещеным христианином. Эта вовлеченность христианства ужасает... Священное Писание учит, что мир спасен, когда есть десять праведников. Для меня это, в частности, означает, что добрые дела десяти человек могут перевесить зло, сотворенное тысячами неправедных людей. Я вовсе не утверждаю, что мир спасен благодаря тому, что было несколько Раулей Валленбергов – и конечно, ужасен факт, что спасителей было так мало. Но я считаю важным, что такие люди существуют, и для нас жизненно необходимо знать об этом».

Душа томится черным прошлым, суетливо, но упорно ищет «свет в конце туннеля», иначе не туннель – тупик. Ирена Сендлер, спасательница, Праведница – уводит из тупика.

И судьба Ирены после всех зигзагов ее 92-летней дороги, к счастью, светло завершилась. Ее долголетия хватило, чтобы дожидаться благодарственного поклона. В 1965 г. Иерусалимский Мемориал Яд Вашем в Иерусалиме признал Ирену Сендлер Праведником народов мира. В 1983 г. в Яд Вашеме было посажено в ее честь дерево на Аллее Праведников. В 2003 г. президент Польши наградил Ирену орденом Белого Орла – высшей наградой Польши. В 2006 г. Польша (президент и общество «Дети Холокоста») выдвинули кандидатуру Ирены Сендлер на Нобелевскую премию мира (получила, впрочем, не она, а Эл Гор, американский громогласный борец со всемирным потеплением – чудны дела твои, Господи!). В 2007 г. Ирена Сендлер по представлению 15-летнего польского подростка Шимона Плоценника была награждена «Орденом Улыбки». В том году она стала почетной жительницей Варшавы, а также была учреждена ежегодная Премия имени Ирены Сендлер «За совершенствование мира», отмечающая заслуги в преподавании истории Холокоста.

И в музее израильского кибуца Лохамей ха-Гетаот («Борцы гетто»), основанном выжившими участниками восстания Варшавского гетто, проходят семинары, где слушателям обязательно показывают фильм «Храброе сердце Ирены Сендлер».

Пани Ирена, спасшая в годы Холокоста 2500 еврейских детей, умерла в Варшаве 12 мая 2008 г. в возрасте 98 лет. Не дожила два года до своего столетия и два месяца до резолюции Палаты представителей Конгресса США от 30 июля 2008 г., которая чествовала память об Ирене Сендлер, Героине Польши.

В груди своих наград Ирена считала самыми почетными благодарственное письмо Папы Римского Иоанна Павла Второго, «Орден Улыбки», которым ее наградили дети, и звание Праведника, присужденное ей в Израиле.

В Израильском Мемориале Катастрофы евреев Яд Вашем шелестит дерево в ее честь. Над ним, как и над всем Парком Праведников, высится один из корпусов с этим именем – Яд Вашем. Оно взято из фразы еврейского пророка Иешияху (Исайи): «Бог устами пророка говорит еврейскому народу «Имя и память дам тебе в Доме моем». «Имя и память» – Яд Вашем.

Из безразмерного иерусалимского неба солнце льет, не скупясь, свет на это здание, облицованное грубо отесанным местным камнем. Золотистый отблеск его стен показался бы здесь, посреди рассказа о черной трагедии, чересчур разбитным, не сообрази архитектор разрядить его серой бетонной лентой. Она охватывает в верхней части три стены. На коротких западной и восточной стенах лента почти пуста, лишь местами выступают из бетонного массива корявые гребешки, неровности, бугры... Это мертвые остатки убитых букв. За углом, на длинной северной стене, они оживают коробчатыми конструкциями, сложенными из тонких плиток, местами продырявленных, прорванных. Полые коробки поднимаются торжественными буквами, дыры на них – пулевые раны, но и простреленные, они живут, дышат, чеканят собой ключевую для Мемориала фразу еврейского пророка.

На том и поставить бы точку. Но вот ведь какой фокус вытворяет Его Величество Случай. Коробки букв, открытые сверху, с отверстиями в боках, оказались идеальными скворешниками. Синицы натаскали травы внутрь букв, повыводили в тех гнездах птенцов, и по весенним утрам, когда солнце распахивает настежь небо и заполняет собою еще пустой от посетителей Яд Вашем, – птицы в буквах и на буквах суетятся, вспархивают, чирикают, орут благим матом – кипит неистребимая жизнь.

Посреди Иерусалимской Горы Памяти, посреди Яд Вашема, посреди Холокоста.

Так что? Счастливый выходит конец?..

Анатолий Кардаш, писатель, публицист